

IN MEMORIAM

ПАМ'ЯТИ АМИНЫ ГАЗИЗОВОЇ

Ушла из жизни Амина Газизова. Смириться с этой мыслью трудно, поскольку она относилась к людям, обладающим излучаемой жизненной энергией, обаянием и теплом такой необыкновенной силы, что благотворное влияние ощущали все, кто ее окружал. Моя память хранит пережитое потрясение от мастерски выполненного портрета Амины ее мужем, талантливым художником Юрием Николаевым, изобразившим красоту ее одухотворенного лица с раскосыми по-восточному глазами (воистину, русское с татарским – вдвойне русское), едва заметной легкой, несколько загадочной улыбкой, магией и очарованием женщины на все времена.

Кем была для меня Амина Абдуллаевна, как повлияла на мою судьбу, об этом не забудешь... Ведь это целая наша с ней жизнь, в которой мы были так счастливы.

Мы познакомилась в 80-е годы в Москве в очень уютной квартире известного шолоховеда, преподавателя ГИТИСа Алевтины Михайловны Минаковой, где всегда происходили очень интересные встречи. Поэтому разминуться мы не могли. Мы были словно обречены высшими силами на эту встречу. Амина Абдуллаевна тогда была доцентом легендарного МГПИ, о котором Валентин Григорьевич Распутин нам с ней сказал: «Намоленное место...». Имя Газизовой уже тогда произносилось с придыханием и почитанием, потому что была талантливой, творческой натурой. Она знала и любила XX литературный век (в том числе и украинский, читая Григора Тютюнника и Александра Довженко в оригинале); ценила тогда, когда он еще вызывал иронию и когда стал для многих едва ли не излюбленной научной темой. В том была и ее колоссальная заслуга, выразившаяся в знаниях, которые она несла в студенческие аудитории, одаривая аспирантов и нас, кто слушал ее доклады, читал ее труды, потрясая умением видеть литературные сцепления в неожиданном ракурсе, соединять имена, произведения, литературы, и от смелости мысли этой маленькой, хрупкой женщины захватывало дух. Ее докторскую диссертацию о маргинальном человеке (о таком тогда не писали) я перечитываю и сейчас.

С ней хотелось все чаще встречаться, говорить бесконечно и слушать. И у меня все это было, перерастая в крепкое дружеское чувство. Я даже помню этот миг перехода во время дорогих для нас вечерних прогулок затихающими московскими старинными улочками; помню ее слова, взгляды, наполненные теплом и нежностью. Наши отношения отразились на жизни наших семей, общем нашем опереживании о них. Я всегда с восхищением воспринимала работы ее мужа, талантливого художника (вот они передо мной), достижения не менее талантливого сына Виктора и, безусловно, в полном смысле мировые музыкальные успехи внука Гаврилы, нашей общей радости.

Все у нас с Аминой завертелось, закружилось в очень легком водовороте интересного бытия. Мы перезнакомились с нашими друзьями, с друзьями наших друзей, и вырисовалось на постсоветском пространстве ныне всем хорошо известное, весьма результативное дружески-научное содружество, в котором уже именитые, известные Наталья Пахсарьян, Анатолий Нямцу, Данута Герчинска, Галина Нефагина, Нинель Литвиненко, Валентина Силантьева, Татьяна Саськова, Нина Осипова, Людмила Шевченко... А со временем в наш круг вошли наши «научные» дети, среди которых Анна Степанова, Яна Галкина, Тигран Амирян, Виктор Демин, Наталья Блищ, и ряд этот пополняется. Это те отношения, которые никто и никогда не изменит, не нарушит, поскольку они выстроены на нашей дружбе и высоком отношении к науке о литературе.

Из событий, заполнивших нашу жизнь, всегда буду помнить представление меня с моей работой у Амины на кафедре, ее вступительное слово и участие в обсуждении. Это сблизило и породнило меня с кафедрой, так высоко оценившей диссертацию и пригласившей защищаться. Помню и то, как она сопереживала в связи с моим докладом в ИМЛИ, в отделе Н.С. Надъярных и как радовалась за предложение у них защищаться, хотя и надеялась, что это произойдет у них. Но, как известно, защита состоялась в Киевском национальном университете им. Т. Шевченко (в совете, которым тогда руководил М.К. Наенко), а Амина Абдуллаевна Газизова была одним из оппонентов вместе с Игорем Александровичем Дзевериным и Григорием Дмитриевичем Ключеком. При всех волнениях события я видела и запомнила, как слушали ее – и доклад, и, в особенности, слова благодарности именитым ученым, известным далеко за пределами Украины – И.А. Дзеверину и Д.В. Затонскому. И было в этих словах то искреннее уважение к личностям, с которыми для многих (и присутствующих, и тех отсутствующих, но до кого молва все же докатилась) были связаны воспоминания, с теми, кто для них открыл врата филологического мира. Поэтому я знала, где бы ни происходила защита, Амина будет моим оппонентом. Это судьба.

Она познакомила меня с выдающимся русским писателем Валентином Григорьевичем Распутиным. Это был сложный период в его жизни, связанный с очень болезненным переживанием трагической гибели дочери в авиакатастрофе. Нам хотелось найти слова... Они были озвучены в беседах, телефонных разговорах, переписке, обмене книгами (вот они передо мной – четыре тома сочинений Валентина Распутина, им подаренные). Помнится все до мелочей, особенно когда мы улыбаемся друг другу, договариваясь о новых встречах...

Эта встреча-знакомство была не просто особенной страницей жизни, без нее вся жизнь моя была бы неполной.

В круговерти и неожиданных превращениях жизни наши встречи с Аминой были неизменными – в Москве, Киеве, Одессе, Слупске, Алуште..., а еще ее следы (следовательно, и мои) есть в Англии, Испании, Японии... «Где меня сегодня нет...» – это и о ней.

Этой весной я ждала Амину в Днепропетровске, представляла себе эту встречу, ее выступление на научной конференции, ее восторженный взгляд на цветущие каштаны, а главное – хотела услышать Голос... Но не слышны звонки по телефону, молчит электронная почта, нет привычного обмена передачами-подарками, которые всегда превращались в смех и радость от того, что мы есть такие, как всегда. Я храню подарки Амины и ее семьи и вместе с ними ее икону Божьей Матери. Она всегда со мной, оберегает меня, и присутствие Амины ощущаю.

Я рассматриваю наши с ней фотографии, вспоминая каждое запечатленное мгновение нашей большой жизни и жду ее звонка...

Она просто задерживается...

*Валентина Наривская,
доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы
Днепропетровского национального университета имени Олеса Гончара*

Дар человечности, или что такое подлинный ученый-гуманитарий

Мое знакомство с Аминой Абдуллаевной произошло через посредничество ее давней подруги – Валентины Даниловны Наривской. Мы встретились лет 25 назад на одной из защит диссертаций (не помню какой) и узнали друг друга по описанию, которое каждой из нас дала Валентина Даниловна. Невозможно было спутать миловидную Амину с ее необыкновенно глубоким взглядом красивых глаз ни с кем другим. Мы сразу же подружились.

При том что мы работали в разных вузах и изучали разные периоды литературы разных стран (Амина Абдуллаевна была специалистом по русской литературе XX века, я же преимущественно изучала французскую литературу XVII–XVIII столетий), у нас оказалось много общего в профессиональном плане: нам обеим была интересна собственно гуманитарная составляющая литературного творчества, эτικο-антропологические аспекты художественных произведений. Я с удовольствием знакоилась с ее публикациями, которые, будучи не связаны с моими изысканиями тематически, тем не менее, открывали мне важные нюансы анализа художественного текста, наталкивали порой на не замеченный прежде, но перспективный путь исследования.

Кроме того, Амину Абдуллаевну увлекала, как и меня, область сравнительного изучения русской и зарубежной литератур, что позволило нам сотрудничать, оппонировав на защитах диссертаций, связанных с компаративной тематикой, встречаться на конференциях, где мы выступали с докладами, да и просто обсуждать в частных беседах волнующие нас литературоведческие проблемы, обмениваться впечатлениями о живописи, музыке, театре.

В конечном счете, моя дружба с Аминой Абдуллаевной была связана не только с близостью профессиональных навыков и вкусов, но и с ее человеческими качествами – честностью и достоинством, внимательностью и искренностью. Поэтому я с удовольствием принимала ее приглашения в гости и сама была рада видеть ее в числе своих гостей на праздниках или в дни рождения. Когда нам случилось вместе провести уик-энд в одном из подмосковных домов отдыха, я подивилась тому, насколько комфортно можно чувствовать себя при повседневном общении с таким деликатным, спокойным и обладающим чувством юмора человеком, как Амина. Она всегда проявляла искренний интерес к тому, что происходило в моей семье, радовалась успехам моих детей и внуков, делилась тем, что случалось с ее близкими и, гордясь достижениями своего внука-музыканта, показывала записи его выступлений. Она умела порадовать своих друзей каким-либо оригинальным подарком с трогательной надписью, удивить неожиданным звонком именно тогда, когда ты нуждался в поддержке и сочувствии. Ее доброта сочеталась с глубоким нравственным чувством, и это выдавало в Амине Абдуллаевне настоящего, природного гуманитария: личность, в которой органично сливались любовь к слову, к книге – и любовь к человеку.

Деликатность Амины Абдуллаевны проявилась даже в том, что в последний год жизни она постаралась не обременить никого своими болями и трудностями, боролась с тяжелым недугом, скрывая сложности этой борьбы. Наверное, она хотела, чтобы ее уход был незаметным для близких и не слишком огорчительным. Но ее смерть стала огромной потерей для нас. Мы расстались с замечательным ученым, прекрасным человеком, доброй подругой. Будем помнить ее, пока живы сами.

*Наталья Пахсарьян,
доктор филологических наук,
профессор кафедры истории зарубежной литературы
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*

Светлый и незабываемый облик Амины Абдуллаевны Газизовой

Несказанной болью в сердце отозвалась весть об уходе в Вечность Амины Абдуллаевны Газизовой, талантливого ученого, педагога, а главное – настоящего человека. И как живая стоит она перед глазами во всей своей неповторимости, а память прокручивает и покручивает все, что связано с ней и с тем, какой она воспринималась. И вспоминается таковой, какой я ее знала, в том числе и в таких моментах, в которых проявлялись ее особенные черты.

Сдержанная по своей натуре Амина Абдуллаевна не выражала экспрессивно своих чувств, но – искренняя и благодарная – она одним или двумя добрыми словами только по незначительному поступку могла высоко оценить человека, как бы стараясь угадать его суть и одновременно выражая тем самым и свое внутренне кредо. В связи с этим вспоминается очень обычный случай, который произошел в Киеве в трудные 90-е гг. Амина Абдуллаевна приехала на научную конференцию. Ее как иностранную гостью поселили в гостинице на Андреевском спуске, в небольшом, но уютном номере. Вечером я была с ней в Оперном театре. Спектакль окончился очень поздно, Амина Абдуллаевна решила вернуться в гостиницу метро, а я – проводить ее: все-таки как-никак знаю эту часть города. Да и хотелось подольше побыть с ней, поговорить обо всем и ни о чем (не имело значения, главное – Амина рядом): виделись редко, только от случая к случаю. Но, когда вышли из метро на Контрактовой площади, попали в кромешную тьму, ничто не освещалось, в двух шагах ничего не видно. И до закрытия метро оставалось меньше часа...

– Возвращайтесь, – говорит она мне.

Но как было оставить ее!? Ночью... В незнакомом месте? В полном безлюдье?..

– Нет, говорю. Пойдемте-ка лучше быстрее...

И тут на наше счастье в темноте перед нами неожиданно вынырнула непонятная фигура – мужчина? женщина? Кто-то вывел собачку выгуливать. Узнали кратчайший путь, который вел заоулками и оказался не такой уж короткий. Как бы то ни было, я довела ее не только до осветленной части Андреевского спуска, но и до самых дверей номера, поинтересовавшись тем, как она тут живет. Пожелала спокойной ночи и бегом – в прямом смысле этого слова – назад. Успела-таки вскочить в последний поезд.

На другой день Амина Абдуллаевна встретила меня словами, произнесенными в свойственной ей крайне сдержанной манере:

– Вы верный друг, Вы не бросите в беде...

И во всем этом почувствовалось ее отношение к человеку, к жизни, к поведению в ней. Она своими словами как будто еще раз утверждала высший моральный принцип – принцип товарищеской верности, придавая ему большое значение.

И в жизни неуклонно следовала этому принципу, о чем свидетельствует, в частности, и ее активная многолетняя работа по организации Шешуковских чтений МПГУ, посвященных памяти профессора С. И. Шешукова.

Планку человечности Амина Абдуллаевна держала очень высоко и никогда не опускалась ниже ее. Я не могу припомнить ни одного случая, чтобы она совершила поступок, требующий оправдания. Она никогда не роняла своего достоинства и уважала достоинство каждого человека. Она была в жизни личностью высокодуховной в том самом смысле, в каком это понимал Лев Толстой, когда писал в романе «Воскресение», определяя духовно-го человека: «...ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей».

Амина Абдуллаевна высоко ценила в людях талант, способность к творчеству, всегда поддерживала молодых в их исканиях.

Последний раз я видела Амину Абдуллаевну и, как всегда, коротко разговаривала с ней в Москве, в ИМЛИ РАН им. М. Горького на Горьковских чтениях в 2012 г., куда она пришла в окружении своих аспирантов, что-то решая для них, проявляя свою заботу.

Да, мы редко виделись с ней и никогда не вели так называемых душевных разговоров, но она принадлежала к такому типу людей, которые всегда присутствуют в жизни тех, кто ее знал... Присутствовала независимо от частоты встреч, прежде всего, своими научными трудами, талантливо написанными монографиями и статьями о Л. Леонове, В. Распути-

не, Б. Пастернаке и др. Она с большим пониманием и тщательностью раскрывала особенности мастерства писателей.

Амина Абдуллаевна, выступая против поверхностного восприятия их произведений, сосредоточивая внимание на универсальных законах бытия, учила глубоко проникать в созданный ими художественно-философский мир. А главное – всей своей жизнью утверждала гуманистические идеалы и всегда видела человека в человеке.

*Луиза Оляндэр,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой славянской филологии
Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки*

Память сердца

Когда ты общаешься с человеком часто и много, то не думаешь о том, что когда-нибудь разговоры с ним станут частью истории, что придется вспоминать (порой мучительно!), составлять, как мозаику, осколки откровенных бесед или разговоров о литературе и искусстве. С доктором филологических наук, профессором МПГУ Аминой Абдуллаевной Газизовой я была знакома со студенческих лет, когда меня, тогда студентку Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко, попросили проводить до здания желтого корпуса университета (того самого, булгаковского, описанного в «Белой гвардии»!) уважаемую гостью из Москвы, которая приехала в наш университет на конференцию и оступилась во время прогулки по Андреевскому спуску. У Амины Абдуллаевны была вывихнута нога, и мы с моим первым мужем, тогда тоже студентом Национального университета Т.Г. Шевченко (отделение русской филологии) вели московскую гостью под руку, вплоть до здания университета. Конференция была посвящена С.А. Есенину, устраивала ее кафедра русской литературы университета, и Амина Абдуллаевна выступила с прекрасным докладом. Я тоже тогда выступала с докладом, в студенческой секции.

Амине Абдуллаевне понравился мой доклад, и с этого момента начались отношения «наставник – ученик». Мы стали переписываться, а потом Амина Абдуллаевна вдохновила меня на поступление в аспирантуру Института русской литературы в Санкт-Петербурге (ИРЛИ). Некоторое время мы с Аминой Абдуллаевной работали, как она говорила – у одного станка, в Московском педагогическом государственном университете (МПГУ), я часто бывала у нее дома, где она с гордостью показывала картины мужа, выдающегося художника Юрия Филипповича Николаева. Амина Абдуллаевна и ее супруг – люди редкой культуры и мудрости. Они жили душа в душу, и я не представляла их друг без друга. Уже сейчас, когда Юрий Филиппович остался один, в опустевшей квартире, я стала понимать, как редко встречаются такие браки, когда люди живут в удивительном духовном и душевном единстве, слитые друг с другом. Амина Абдуллаевна всегда говорила о муже с гордостью: «Он – русский художник!». Оба слова «русский» и «художник» при этом произносились как бы с большой буквы.

Амина Абдуллаевна была не только выдающимся ученым, преподавателем и администратором, но и человеком большой житейской мудрости. Она всегда давала прекрасные, тонкие советы, чувствовала, как нужно поступить в той или иной ситуации. Она очень любила путешествовать. Вместе мы побывали в Париже и на Сицилии. Бродили по Люксембургскому саду и Лувру, по узким, пахнущим кофе улочкам Палермо и Шакки. Амина Абдуллаевна очень хотела побывать на острове Мальта и в Черногории, повезти в Черногорию любимого внука Кирилла. Но не сложилось – она не успела. Правда, в Испанию съездила – совсем незадолго до смерти.

Я слишком поздно узнала, что Амина Абдуллаевна была больна раком. Свою болезнь она переносила с удивительной стойкостью и мужеством. Она, что называется, – умела болеть. И в строю оставалась до последних дней. А потом просто ушла – «сгорела». Говорят, что быстрая и легкая смерть посылается праведникам. Такую смерть нужно заслужить.

Амина Абдуллаевна отошла в мир иной за очень короткий срок, почти без мучений. Отпевать и похоронить себя она просила, как православную христианку. Наверное, сейчас она смотрит на нас с небес. Царствие ей Небесное!

*Елена Раскина
доктор филологических наук,
профессор кафедры общегуманитарных, социальных,
естественнонаучных и экономических дисциплин
Международного гуманитарно-лингвистического университета (Москва)*

«Приносить окружающим радость...»

Впервые я увидела Амину Абдуллаевну Газизову в г. Слупске (Польша) в 2007 г. на конференции у Галины Львовны Нефагиной. Нас представила друг другу Валентина Даниловна Наривская – мой учитель и наставник:

– Знакомься, Степанова, это – моя Амина.

Передо мной стояла красивая женщина с внимательными восточными глазами и приветливой улыбкой. Так начались наши отношения. Очень теплые, добрые, прочные. Я называла ее Аминой Абдуллаевной. Однажды она предложила мне обращаться к ней просто «Амина», без отчества. Тогда я не осмелилась, но сейчас мне хочется называть ее именно так. Наверное, когда остро чувствуешь утрату, в то же время не менее сильно ощущаешь и близость к человеку, и отношение твое к нему становится еще роднее.

К сожалению, виделись мы не часто, в основном перезванивались и переписывались. Но зато, когда виделись, каждая встреча становилась для меня событием, и научным, и просто жизненным. Она была тем собеседником, с которым хотелось говорить бесконечно, и человеком, с которым при встрече не хотелось расставаться. А после встреча крепко сидела в памяти, непременно оставляя мысли в голове и теплоту в сердце.

Амина была очень внимательна к людям. Ни одна наша встреча не обходилась без подарков, и это были не сувениры «по случаю», а вещицы, предназначенные специально для тебя. По ним чувствовалось, что человек готовился к встрече и думал о том, как тебя порадовать, – диск с музыкой, записанный на конференции в Ирландии, рисунок с изображением женской фигурки, выполненный супругом-художником («На тебя похожа», – сказала она), восточного фасона и расцветки платье, освященное в Мекке, – все это было частью ее мира, которым она делилась, и частью культуры, к которой принадлежала.

Сначала мне казалось, что Амина так внимательна ко мне, потому что я – ученица В.Д. Наривской – ее близкой подруги, с которой их связывали более тридцати лет жизни и которой она очень дорожила. Но вскоре я убедилась, что внимание и доброта Амины, ее любовь к жизни и к людям – неременное условие ее бытия и самой ее сути. Чаще всего мы встречались на конференциях (в Москве, в Польше, в Крыму), но однажды увиделись в Москве вне научных мероприятий. Это было летом 2010 года. Я приехала в МГУ на конференцию, посвященную Л.Г. Андрееву. Амина в ней участия не принимала, и мы договорились о встрече у нее в МПГУ на кафедре в 16:00 после занятий с аспирантами. Я приехала к условленному времени и застала часть лекции о Валентине Распутине – писателе, с которыми Амину связывали теплые дружеские отношения и творчество которого было ею не то, что глубоко профессионально изучено, но лично в себе пережито. Я слушала интереснейший материал и вглядывалась в лица аспирантов. Все взгляды были прикованы к Амине. Слушали так, что забывали конспектировать, боясь пропустить хотя бы слово. Когда Амина закончила, никто и не подумал расходиться – молодежь задавала вопросы. Сначала о Распутине, затем о работе над диссертациями, наконец, просто «о жизни». Она поговорила с каждым, и для каждого нашла совет, подсказку, слово поддержки. Я сидела в сторонке и, забыв о том, что стрелка часов уже подобралась к 18:00, и после звонка с лекции уже второй час на исходе, наблюдала за этой сценой и понимала, что аспиранты испытывали то же чувство, что и я при встрече с Аминой – они не хотели уходить. Потом мы

пошли в кафе и долго говорили за чашкой чая. В моей жизни тогда был не самый простой период, но на всю мою грусть Амина сказала: «А ты работай, несмотря ни на что, пиши, у тебя свой путь». Тогда для меня открылась еще одна грань ее личности – невероятная для такой хрупкой женщины внутренняя сила. Год спустя Амина прислала мне ссылку на свое интервью журналу «Ислам», в котором она, праправнучка Зайнуллы ишана Расулева – выдающегося общественно-религиозного деятеля и мыслителя XIX–XX вв., рассказала о своей семье и просветительской деятельности своего великого предка. Тогда она пересказала совет, данный ей в молодости: «Если хочешь быть полезной своему народу, стань настоящим специалистом в своем деле. В этом и будет твое служение». Я поняла, что слова, сказанные мне в московском кафе, были и ее жизненной установкой, непреложным законом, которому следовала до конца. Она была блестящим специалистом, талантливым ученым и не менее талантливым учителем, открывшим для своих учеников мир русской литературы и культуры, умевшим направить мысль в нужное русло, подсказать не прямо, а исподволь, совсем немного, но так, что концепция исследования обретала целостность. Она принадлежала двум мирам – русскому и татарскому. Очень любила русскую литературу, глубоко ее чувствовала и гордилась своей принадлежностью к известному мусульманскому роду, в котором, по ее признанию, был ее духовный стержень, опора, к которой прислонялась. Она была частью двух культур, и из них вобрала в себя самое ценное – мысль, духовный свет, любовь к людям, и всем этим делилась с окружающими.

Она и уходила, любя. Никому ничего не говорила о своей болезни. Чтобы не расстраивались, не делили с ней ее трудности. Считала, что делиться нужно только радостью. Я собиралась с ней встретиться в марте этого года. О многом хотелось рассказать. Не успела. Теперь осталась только память. Она написала мне однажды: «Милая моя Аника, продолжай свою жизнь столь же разумно, творчески и красиво».

Спасибо Вам за все, дорогая Амина Абдуллаевна.

Я помню.

*Анна Степанова
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии и перевода
Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля*